

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ГОСТЯ: МИХАЭЛЬ ШТЮРМЕР

Я искренне рад, что Вы, уважаемый профессор, доктор Михаэль Штюрмер, выступаете сегодня в нашем Университете. Для нас большая честь принимать Вас здесь, хотя в этот раз и ненадолго. В будущем мы надеемся на более длительную встречу.

Михаэль Штюрмер является одним из выдающихся современных историков Германии и Европы. Он получил историческое, философское и лингвистическое образование в Марбургском университете, Свободном университете Берлина и Лондонской школе экономики.

С 1973 по 2003 год господин Штюрмер был профессором истории Средних веков и Нового времени в Университете Эрланген-Нюрнберг. Господин Штюрмер прочитал много докладов в Германии и за ее пределами, в том числе и в США, так что он знает в деталях образ мышления американских политиков. Наш гость широко известен и в России. Четыре недели назад он был в Москве и встречался с Владимиром Путиным.

Профессор Штюрмер оказывал и продолжает оказывать влияние на внешнюю политику Германии, опираясь на знание исторических взаимосвязей. В последние десятилетия он тесно сотрудничает со всеми германскими бундесканцлерами. Особенно большим было его влияние на Гельмута Коля, с которым его связывают дружеские отношения. Коллега Штюрмер был свидетелем ошибочной политики США под руководством президента Билла Клинтона по отношению к России, которая, к сожалению, в период с 1990 по 2000 год была очень слабой. С 1988 по 1998 год господин Штюрмер был директором Исследовательского института по международной политике и безопасности Фонда науки и политики в Эбенхаузене, недалеко от Мюнхена. Этот институт является мозговым центром внешней политики федерального правительства Германии.

Наряду со своей деятельностью в качестве историка и политического советника Михаэль Штюрмер продолжает заниматься публицистикой. Сегодня он отвечает за освещение вопросов внешней политики в крупнейшем издательстве Германии «Аксель Шпрингер», где он является, бесспорно, выдающимся шеф-корреспондентом, оказывающим большое влияние на редакцию. Он регулярно публикует статьи в газетах этого издательства, прежде всего в «Ди Вельт», а также в газете «Нойе цюрихер цайтунг».

Господин Штюрмер работает и на телевидении. Совсем недавно он участвовал в программе «Философский квартет» на государственном телеканале Zdf (ЦдФ). В дискуссии обсуждалось будущее России и ее значение для Европы. Коллега Штюрмер справедливо отметил, что Россия имеет свои внешнеполитические границы, которые США не должны нарушать. Он считает, что преимуществом России является то, что ни Грузия, ни Украина пока не стали членами НАТО. Он настоятельно советовал не пренебрегать этим преимуществом России, принимая во внимание ее военную мощь и, прежде всего, высокий потенциал ядерного оружия в США и в нашей стране.

Нельзя также не упомянуть, что профессор Штюрмер является автором широко известных книг: «Искусство равновесия», «Границы власти. Встреча немцев с историей», «Мир без мирового порядка. Кто наследует Землю?», «Россия – страна, восставшая из холода».

Мне хочется особо подчеркнуть, что профессор Штюрмер заслужил высокое признание на своей родине. Будучи историком и публицистом, он всегда видел свою первоочередную задачу в том, чтобы вернуть Германии ее историческое национальное самосознание и высокую самооценку, которые были отняты у нее во время господства национал-социалистов с 1933 по 1945 год. Господин Штюрмер всегда подчеркивал, что, хотя свирепствовавший в течение 12 лет национал-социализм и является частью немецкой истории, в действительности (и это нельзя упускать из виду) история Германии насчитывает тысячелетия, которые наложили отпечаток на развитие страны.

Историческая память Германии уходит корнями далеко в прошлое, но, к сожалению, краткий период преступной диктатуры национал-социалистов также неотделим от нее. На развитие Германии, как и на всю Европу, оказывали воздействие идеалы Платона и Христа. Немецкая история формировалась также под влиянием Карла Великого и Мартина Лютера, Маркса, Бисмарка и других выдающихся личностей. Господин Штюрмер всегда указывал на то, что зверства национал-социалистов, которые совершались якобы от имени немцев и немцами, являются самыми страшными преступлениями всего человечества и они не должны определять самосознание Германии. Германия – это совсем другое государство, это прежде всего высокая культура Европы. Именно на это указывал коллега Штюрмер, что и стало предметом критики в его адрес.

Сегодня перед европейцами стоит задача: определить, что представляет собой современная Европа. Историю Европы в период с 1914 по 1989 год определяли две жестокие войны, а также холодная война. Войны, которые принесли много страданий, были братоубийственными, велись между соседними европейскими государствами. Эти страдания являются важной частью самосознания Европы, но только лишь частью.

Начиная со времен Древней Греции Европа имеет тысячелетнюю историю, в которой особо следует отметить падение Византии, то есть 550 год, когда Москва провозгласила себя Третьим Римом. Нельзя также предать забвению период с 1820 по 1914 год, в течение которого европейские государства развивались в тесном культурном сотрудничестве и в завершение которого Санкт-Петербург стал одним из ведущих центров мировой культуры.

Сегодня мы, европейцы, находимся в поиске идентичности Европы. Что же определяет идентичность и ценности будущей Европы, состоящей из государств – членов ЕС, России и других стран? Нам надо получить ответ на этот вопрос. И ответ непременно будет включать в себя национальное самоуважение и признание права на национальную безопасность каждого государства, а также признание его исторического прошлого и его понимание цивилизации. Поэтому мы бы посоветовали США не чинить препятствий нам, европейцам, а воспринимать нас в качестве равноправных партнеров.

Я надеюсь на то, что господин Штюмер поможет нам найти ответ на этот вопрос. Доклад господина профессора завершится дискуссией, и я предлагаю всем присутствующим принять в ней участие. Нам редко представляется возможность встретиться и поговорить о судьбе Европы с такой выдающейся личностью, как профессор Михаэль Штюмер.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ,
ректор СПбГУП, профессор

МИХАЭЛЬ ШТЮРМЕР,
профессор, доктор

ЗНАЧЕНИЕ РОССИИ ДЛЯ ЕВРОПЫ*

Мир без мирового порядка – это символ целой эпохи, которая возникла с окончанием холодной войны; вместе с ней завершила свое существование глобальная двуполярная ядерная система. При всей опасности у нее были свои преимущества, заключающиеся в том, что мировые властители могли просчитывать шаги друг друга, они имели своего рода Code of Conduct – Кодекс поведения, обе стороны верили в прогресс, и им было точно известно, что именно они наследуют Землю. Все это в прошлом. Мир находится на таком этапе развития, который можно сравнить с эпохой открытий Ренессанса и Просвещения, революциями в Америке и Франции и последовавшими в результате войнами, а также с кровавыми переворотами и мировыми войнами XX века.

Однополярный мир во главе с Америкой всегда был иллюзией. Многополярный мир глобален, по сути своей он неустойчив, в широких масштабах не испытан и требует в высшей степени осторожности и сдержанности.

Россия перестала быть империей, но пока еще не определила свою роль.

Весь мир задается вопросом, какую роль она выберет – революционную или эволюционную, каким образом будет сотрудничать с процветающими странами Евро-Атлантической зоны, будет заинтересована в компромиссе или же станет «одиноким волком», которому не нужны друзья и который сам создает себе законы.

Когда рушатся империи, они делают это, как говорили прежде, не легко, а с большим треском. Османская империя, Французская империя, югославская мини-империя являются примерами из XX века. Советский Союз избавил своих наследников и весь мир от такого треска, надеюсь, навсегда.

В современных изменениях в мире России, к лучшему или к худшему, будет принадлежать главная роль. Войдет ли вчерашняя революционная власть в современный индустриальный и постиндустриальный глобальный мир? Россия имеет потенциал и для стабилизации, и для перелома. До сих пор кажется, что руководители этой евроазиатской державы еще не решили, что им делать с глобальными масштабами своей империи. Снова вспоминают-

ся слова премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля, сказанные суровой зимой 1940 года: «Будущее России я вам предсказать не могу. Это загадка в мистереи темноты. Единственный ключ к ней – национальные интересы».

Россия не так слаба, как ее воспринимают многие, но и не так сильна, как это может показаться. Это стало ясно за последние 10 лет, когда Россия вырвалась из экономической разрухи и достигла внутренней стабильности и влияния за своими рубежами. Нынешний финансовый кризис не пощадил и Россию. То, что государственные СМИ говорят об этом как о всего лишь незначительном напряжении, не смогло остановить утечку капитала (с 8 августа 2008 года она составила 40 млрд долларов), а также обвал биржевых котировок на 70 %.

Энергоносители – это судьбоносный фактор, и не только для нуждающегося в них Запада, но и для их поставщика – России. Стоит напомнить о том, что распад СССР стал неизбежен, когда в 1985 году из-за войны на Ближнем Востоке между Ираном и Ираком цена на нефть

* Лекция прочитана в СПбГУП 24 октября 2008 г.

упала до 10 долларов за баррель. Через 10 лет, в 1997–1998 годах, эта катастрофа повторилась: незначительная рецессия на Дальнем Востоке снова сбила цены до 8–10 долларов за баррель. Для России, с трудом поднимавшей свою экономику, это имело тяжелые последствия.

В данный момент Запад переживает глубокий финансовый кризис, за которым следует рецессия. В зависимости от того, какой будет конъюнктура рынка нефти и газа, может происходить колебание спроса и спад цен. Падение цен ниже 70 долларов может стать для России критическим – вскоре начнут ощущаться его последствия в реальной экономике и простой человек почувствует это в повседневной жизни; это всего лишь вопрос времени. Россия не может быть изолирована от всего остального мира. Это, как никто другой, знает президент Медведев. Основная опасность состоит в том, что российская экономика развивается односторонне, основываясь на экспорте сырья, и в том, что в последние 10 лет для расширения базисных структур не хватило экономического роста, благосостояния и оптимизма. Причин тому достаточно: внутренняя коррупция, на которую сетует премьер-министр Путин, правовой нигилизм, о котором говорит президент Медведев, концентрация капитала у небольшой группы очень богатых людей, недостаток доверия у иностранных инвесторов, слабая инфраструктура (железные и шоссейные дороги, авиасообщение, средства телекоммуникации). Наконец, война в Грузии посеяла сомнения по поводу того, какую роль в Европе и мире желает играть Россия в будущем.

Нельзя недооценивать Россию. Такая недооценка сыграла злую шутку с Карлом XII – королем Швеции, с Наполеоном и Гитлером. Это может произойти и с теми, кто сбросил Россию со счетов в начале распада СССР – державу, которая лежит в 11 часовых поясах от Калининграда до Владивостока, с более чем 10 тысячами ядерных боеголовок, 140 миллионами жителей и большими запасами нефти и газа. Напрасно они думают, что больше не стоит обращать внимания на Россию.

Сейчас Россия снова великая держава, и она требует к себе уважения в мире. Европейцы – даже больше, чем американцы – помнят о ре-

лиях холодной войны и полагают, что безопасность возможна только в сотрудничестве с Россией. Может быть, эти слова банальны, но они справедливы.

Перед лицом ядерного апокалипсиса во времена холодной войны возникла тенденция стратегического контроля над вооружениями. И сейчас, в уже изменившемся мире, многие политики считают, что она по-прежнему сохраняет свое значение, особенно в том, что касается ядерных стратегий. Поэтому нет ничего важнее, чем продолжение и, будем надеяться, обновленные стратегического диалога между Россией и США. Великие державы не должны, как это было в 1914 году, начинать спор и войну из-за небольших областей или стран...

Если отбросить риторику, то Россия и Германия, в общем, сложные партнеры друг для друга. Управление государствами – это великое искусство дипломатии, политики, иногда искусство дружбы, открытого общения друг с другом. Но Россия и Германия, хотим мы того или нет (хотя, естественно, мы этого хотим), неразрывно связаны друг с другом исторически и географически. И это проявляется, прежде всего, в реализации взаимных экономических интересов. Сила и слабость обеих стран дополняют друг друга, и год за годом между ними устанавливается торговое равновесие. Германия всегда была лучшим торговым партнером России. Россия – это огромные запасы энергии, Германия – это сложные технологии, от машиностроения до хайтека. Россия должна сделать все, чтобы лучше, чем раньше, использовать свои природные ресурсы, чтобы ни в коем случае не проиграть заработанные деньги где-нибудь в казино Лондона или Ниццы.

За несколько ближайших десятилетий Россия должна создать новое общество и найти свое место в общей системе координат «Большой восьмерки» или ОБСЕ, а также в рамках ВТО и развитой на Западе системы финансового надзора. Такая кооперация с Евросоюзом должна, наконец, осуществиться в полной мере. Это станет гарантией безопасности наших экономических взаимоотношений и сократит риск политических недоразумений и неприятных сюрпризов. Неуверенность в правах и безопасности

жизни граждан, о которой открыто говорят политики на самом высоком уровне, с одной стороны, является препятствием для сотрудничества, а с другой – стимулом для российских руководителей.

Китай в ближайшее время вряд ли сможет построить современную рыночную экономику и привести страну к либеральному капитализму западного образца. Остается только Запад. Что касается конкуренции в рамках новой системы – авторитарного капитализма на Востоке и либерального капитализма на Западе, то эти вопросы интересны академически, но абсолютно не подходят для России. До сих пор Россия была сырьевой державой и на мировом рынке присутствовала, прежде всего, как экспортер оружия. Считалось, что она не обладает достаточной собственной индустриальной силой, чтобы подняться до уровня основных мировых держав; она не должна позволить увести себя в сторону чудес сверхтехнологий и нанотехнологий XXI века.

Россия прежде всего страна нефти. Однако она не должна быть страной, живущей только за счет нефтяных запасов (Маршалл Голдман), иначе ее человеческие ресурсы будут использоваться неправильно. Авторитарный капитализм с огромной и бесполезной, с государственной точки зрения, бюрократией – это самооглупление государства и собственного народа. Без всякого сомнения, только демократия может стать высокой целью, но демократия требует терпения и постоянной работы, и начинать надо с самого низа – с правового государства, с транспарентности и открытости. И каждый субъект экономики, например банк, должен доверять своему партнеру как внутри, так и вне страны – ведь, как показывает нынешний финансовый кризис, без доверия ничего не получается.

Итак, насколько надежной Россия представляется Западной Европе? Болезненный переход от Советского Союза к Российской Федерации, хотя и сопровождался тяжелым кризисом, все-таки осуществился без крови. Наследие Советского Союза – военное, ядерное, сырьевое – очень сложное, до сих пор вокруг него ведется много споров. Но, несмотря на это, газовая и нефтяная отрасли промышленности России продолжают функционировать. Интерес

к ним даже усиливается, что было невозможно во времена холодной войны. Мировые экономики, как признавал господин Путин, зависят от энергетики России. В этом есть и плюсы, и минусы. Пока страна живет большей частью за счет поставок газа и нефти, власть может рассчитывать на стабильность. Но это показывает важность построения экономики и политики на широкой индустриальной основе. Что касается постиндустриального обновления страны, то оно неизбежно. Оно обязательно будет. Никто, кроме нас самих, нам не поможет, но и никто, кроме нас самих, не сможет помешать выравниванию интересов и взаимному развитию всех рынков и держав мира.

20 лет тому назад в Рейкьявике президент СССР Михаил Горбачев и президент США Рональд Рейган вели переговоры о ракетках средней дальности, и можно сказать, что это был успех. Тогда вопрос ставился так: когда же, наконец, закончится наш антагонизм? В этом была философская суть вопроса. Для того чтобы выжить в ситуации всеобщей опасности распространения ядерного вооружения, изменения климата, распространения наркотиков, организованной преступности, обострения обстановки на Среднем Востоке, проблем на Балканах, на Кавказе и при сохранении угрозы войны, необходима консолидация усилий и взаимное уважение.

В данный момент отношения между Россией и Западом находятся, увы, на худшем этапе со времен холодной войны. Хотя и это, как часто бывает в жизни, имеет свою положительную сторону, потому что ведет нас к тому, что мы мобилизуем наши мыслительные способности и начинаем думать, что делать.

Недавно российское правительство предложило план развития до 2020 года. Этот проект подразумевает, что торговля, инвестиции, промышленное и техническое сотрудничество являются важнейшими областями международного взаимодействия. А любые столкновения, любые противоречия — страшнейший яд для нашего развития. И это прекрасно понимает Кремль. Президент Медведев в Эвиане (во Франции) говорил о том, какую озабоченность в России вызывает политика США, НАТО и Грузии. Он назвал пять пунктов плана всесто-

ронного преодоления финансового кризиса и высказал предложения о новой системе и архитектуре евроатлантической безопасности. То, что Россия помогает сейчас Исландии, которая обанкротилась и попросила кредит на 5,6 млрд, наводит на определенные размышления. Исландия — важная часть Атлантического блока. Значит, Россия готова играть ответственную роль в мировой экономике.

Отвод войск из буферной зоны в Южной Осетии и сотрудничество с миротворческими силами ЕС — это признак деэскалации напряженности. Что касается финансового кризиса в России и следующей за ним рецессии, то это не только проблемы — это дает нам шанс новой операции, построения новых отношений в конструктивном русле. Конфликт на Кавказе вокруг Грузии должен решаться всеми сторонами совместно с учетом интересов всех. Путь России — не конфронтация, а сотрудничество с Западом, и потому необходимо проявлять сдержанность и вести диалог, стараясь добиться взаимопонимания.

Мир у нас один, и он такой хрупкий, что в нем нет места для политических экспериментов. Большое спасибо за внимание!

И. ШАХОВ, аспирант юридического факультета: — *Глубокоуважаемый господин Штюрмер! В одной из книг о Бисмарке Вы писали, что Германия может быть миролюбивым государством только при авторитарной политической системе. На Ваш взгляд, применимо ли это положение к другим странам, например к России? Может быть, в ситуации политической нестабильности этот режим был бы наиболее приемлем?*

— Я очень рад, что вы читали мою книгу о кайзеровской Германии. Это тезис современников Бисмарка, особенно консервативных. Они говорили, что Германия всегда была сильно сдавлена извне, немцы чувствовали себя плотно окруженными, пока Бисмарк не усилил страну, а это либеральными способами сделать невозможно, поэтому страна должна управляться крепкой авторитарной рукой. Так считал и сам Бисмарк.

Когда Вильгельм II отправил Бисмарка в отставку, все изменилось,

потому что император придерживался другого мнения. У него была сильная оппозиция, и он говорил, что надо притормозить этих «кайзеровских мальчигов». Это очень сложный вопрос: когда именно демократия является правильной формой правления, как долго она может продолжаться. После Первой мировой войны наступила «весна» демократии, но через 10 лет большинство демократий в Европе — от Балтики до Италии — пропали, а Великобритания оказалась, в сущности, на краю гражданской войны. То есть период между войнами был не лучшим временем для демократии, в том числе и в России. Поэтому я думаю, что для демократии требуются комплексные предпосылки: зрелое общество с развитым механизмом равновесия, то, что называется правовым государством, публичные дебаты, открытость, дискуссионность, возможность высказывания разных мнений, а это подразумевает определенный уровень жизни людей, причем без большого разрыва между богатыми и бедными.

Германское решение — это в первую очередь стабилизация. Я полагаю, что если финансовый кризис и рецессия не приведут к по-настоящему серьезной депрессии, как это было в 1920-х годах, то у нас есть хороший шанс сохранить форму.

В Германии есть определенные элементы федерализма. Но существует демократический консенсус, который позволяет именно вербально решать спорные вопросы. Для этого сначала надо создать определенные институты, которым будут доверять люди.

В свое время Западная Германия (я в этом контексте не буду говорить про Восточную) возникла под протекторатом трех западных держав — США, Великобритании и Франции. Без них мы вряд ли смогли бы создать даже стабильную денежную единицу. Послевоенная демократия в Германии была как маленький ребенок. Много было взято от довоенной Германии: парламентаризм, некоторые общественные формы жизни, но необходима была помощь в становлении, а она нечасто приходит извне, страна должна сама себе ее оказывать.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ (читает записку): — *Уважаемый господин Штюрмер, в ряде своих публикаций Вы пише-*

те, что немцы одержимы чувством вины за свое историческое прошлое. Сохраняется ли это чувство сейчас? Какую роль при этом играют СМИ?

— Вопрос, в сущности, имеет две составляющие. Кто же все-таки виноват в том, что разразилась мировая война, и как сегодня к этому относиться? Это требует большого тщательного исследования.

Германия взяла на себя вину — и морально, и политически. Это было условием нашего вступления в послевоенный мир — иначе мы не имели бы поддержки Запада, Федеративная Республика Германии не получила бы признания. Но надо иметь в виду, что после войны два первых международных договора Германия заключила с Израилем (1952), потом с Великобританией (1954). Это означало, что Германия не только политически и морально, но и юридически взяла на себя ответственность. За это мы получили политическое «отпущение грехов», то есть обрели право равноправного диалога с другими западными державами.

Сегодня, я полагаю, этого недостаточно. С одной стороны, историк Эрнст Нольте определил эпоху с 1917 по 1945 год широким понятием «европейская гражданская война». С другой, как говорил Джон Мейнард Кейнс, английский теоретик экономики, — это огромная ошибка, сделанная Европой. Такой мир, как был в тот период, — это не мир, а скорее, зародыш следующей войны.

Во-вторых, существует вопрос Мюнхенского сговора. Сейчас об этом много говорят: все же это была попытка сделать доброе дело, или наоборот? Сохранил ли Мюнхенский сговор хоть на несколько лет мир или, напротив, ускорил начало войны под флагом национального самоопределения и дал карт-бланш Гитлеру? И тогда можно рассматривать Мюнхен как заключение опасного пакта с Гитлером, что и позволило ему начать войну. При этом нельзя недооценивать роль Сталина. До 1938 года Гитлер вел себя иначе — и я верю, что он мог бы и дальше вести себя иначе. Важно то, что он получил признание со стороны России. Это та глава истории, где Россия и Германия очень тесно переплетены друг с другом, и когда-нибудь мы должны понять и осознать это, хоть это и причиняет сильную боль.

Д. КОСМАКОВА, студентка II курса факультета культуры: — *Как известно, наш президент Дмитрий Анатольевич Медведев в начале июня посетил Берлин. Как Вы думаете, господин Штюрмер, почему для своего первого визита на Запад он выбрал Германию?*

— Думаю, что причин много. Во-первых, отличные развитые дипломатические отношения, которые, особенно начиная со времени канцлера Коля, очень стабильны. Во-вторых, обширные и плодотворные экономические связи. Я присутствовал на этой встрече, Медведев произнес впечатляющую речь. Однако что касается его предложений по новой архитектуре безопасности до Владивостока, то наше национальное правительство не очень серьезно восприняло эти предложения.

Положительный ответ пришел не оттуда, куда он поехал в первую очередь, а из Брюсселя. Это предложение привело к большому количеству тактических переговоров, они идут и сейчас. Прежде всего это, конечно, очень плодотворная стратегия. Поездка российского президента в Берлин была важным знаком, это был его успех. По нашему мнению, российская сторона еще не очень понимает, что значит безопасность от Ванкувера до Владивостока, какие элементы НАТО должны в этом участвовать и какую роль играть. Но важно, во-первых, говорить об этом, обдумывать это предложение в разных политических центрах, на различных уровнях, и вообще выйти на переговоры по этому предложению, потому что сейчас у нас, скорее, «диалог глухих» — вот это надо уже преодолевать.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА, первый проректор СПбГУП: — *Разрешите, господин Штюрмер, зачитать записку. Вопрос от студентов факультета культуры: «На какой опыт знакомства с Россией Вы опираетесь при освещении политических событий в нашей стране и прогнозировании их развития?» Студентка III курса факультета культуры Е. НИКИТЕНКО также уточняет: «Каким Вы видите Владимира Владимировича Путина как историческую и политическую фигуру? Какое личное впечатление он произвел на Вас?»*

— Если отвечать кратко, то прочтите мою книгу «Россия — стра-

на, восставшая из холода». Если же рассказывать подробно, то надо обратиться к прошлому. В 1949 году, когда я был маленьким, мы, честно говоря, предпочли бы быть оккупированными американцами, чем быть освобожденными русскими. Еще задолго до того, как я начал работать с бундесканцлером Колем, после очередного Берлинского кризиса и Карибского кризиса, между четырьмя державами был заключен договор по Берлину — юридически очень сложный, подробный. Мне довелось работать над ним; это был наш вклад в международную разрядку.

Первый раз я приехал в вашу страну в 1984 году, когда Россия позиционировалась прежде всего как страна ракетных вооружений. Я представлял тогда Институт Восточной Европы, и мне довелось вести переговоры о ракетных вооружениях с Александром Яковлевым — очень умным человеком, игравшим в ту пору большую роль в советской политике.

Была и другая ипостась России, с которой мы вели переговоры о трубопроводах. Бундесканцлер Коль выступал за трубопровод, а поскольку страхов было много и они поддерживались Америкой, то Коль старался успокоить общественное мнение. Мы вели переговоры, с одной стороны, с Россией, с другой — с Америкой. Приходилось объяснять, что нам необходимо идти на эту сделку, это будет хорошо и для германской экономики, для нашего развития.

И третью Россию я увидел в Киеве — самобытном городе, очень отличном от Москвы. Трудно было предположить тогда, что из всего этого получится.

Потом я приезжал сюда в 1990 году, во время финансового кризиса. Я был с официальной миссией в Москве, но никто не запрещал мне делиться собственными впечатлениями. Я видел, какие сложные проблемы одолевали вашу страну. Тогда я предложил много идей, и какие-то из них были восприняты, например строительство жилья для офицеров. Меньше осуществились идеи, связанные с кооперацией. Это были предложения, связанные с экономикой, — не только на государственном уровне, но и на частном.

Что касается моих связей с Петербургом, то начались они в Руре, когда я встретился с русской княгиней Татьяной Меттерних. Она общалась с мэром Петербурга Анатолием Собчаком, пригласила его в свой замечательный замок, один из лучших в Германии. Тогда же с мэром приехал и Владимир Путин. Для западных немцев это было первое знакомство. Потом в 1994 году здесь, в Петербурге, была организована конференция. Это происходило морозной зимой, но атмосфера нашей встречи была очень теплая, дружественная. Мы говорили о том, какой Россия видится миру и как она видит остальной мир.

Потом я часто бывал в России как руководитель Института в Эбенхаузене, иногда жил здесь по несколько недель и даже месяцев, общался с депутатами Госдумы. Думаю, что те немцы, которые с 1993 года организовывали семинары через каналы Министерства обороны очень много сделали для развития отношений наших двух стран. Мы, правда, намеревались организовать ряд семинаров и для военного руководства регионов России, но удалось это сделать только в Москве. И все равно это была замечательная программа. Мы привозили представителей российского командования в Германию, демонстрировали им наши танки «леопарды» — это было очень интересно для обеих сторон. Эта программа продолжает действовать и развиваться, она очень полезна, и рассказывать о ней можно много. Таковы были мои первые знакомства с Россией.

Н. КОРОГОД, IV курс, факультет искусств: — *Господин Штюрмер, Вы профессионально занимаетесь историей культуры XVIII века. Как Вы оцениваете состояние памятников культуры в современной России и Германии?*

— Сегодня исполнится мое заветное желание — я посету Павловский дворец, и эта тема для меня очень близка. Сейчас наша основная, самая большая забота — состояние памятников искусства на территории бывшей ГДР. С одной стороны, там много идеологически навредили монастырям и церквям, с другой — предметы искусства часто хранились в зданиях религиозного культа и замках. Сейчас нам надо спасти эти памятники. Нам

предстоит огромная работа, которую надо спланировать и профинансировать. Она уже ведется, но такими темпами, что не может угнаться за скоростью естественного разрушения памятников. Мы вкладываем много денег, но их, видимо, все равно недостаточно. Я опасаясь, что в России ситуация не лучше, может быть, даже хуже, поскольку разрушений было намного больше — связанных с войной и революцией.

Полагаю, что здесь, как и у нас, надо работать на основе частного партнерства. Невозможно ждать, что государство сделает все, — это будет очень долго. Крупнейшие государственные музеи, такие как Эрмитаж или музей Кремля, блестяще развивают кооперацию. Здания, внутреннее оснащение, система поддержки климата — все это требует огромных затрат. Многие разрушаются буквально на глазах!

В Веймаре, центре мировой культуры, произошел пожар в библиотеке Амалии из-за короткого замыкания проводки. Анна Амалия — молодая вдовствующая герцогиня, которую Гёте привез в Веймар, — создала огромную замечательную библиотеку, одну из лучших в XVIII веке. Библиотека не ремонтировалась лет 70. Здание принадлежало частному лицу и содержалось в ужасном состоянии; у владельца даже страховки не было. Здание наполеонову выгорело вместе с сокровищами! Потом поступило много частных взносов на восстановление, но ведь было бы лучше вовремя привести все в порядок, не допустить пожара. Что поделаться, такова жизнь...

Е. ДОРОШЕНКО, III курс, экономический факультет: — *Уважаемый господин Штюрмер! Нарацивание вооружения в Польше и Чехии, проявления национализма в странах Балтии... Не считаете ли Вы, что все эти факторы мешают диалогу и сближению ЕС и России?*

— Надеюсь, что новая администрация США еще хорошенько обдумает этот вопрос. Насчет радарных установок в Чехии и ракетных в Польше мнения сильно расходятся — и в Вашингтоне, и в Европе. В сущности, для европейцев это не очень хорошо, поскольку, во-первых, увеличивает международную напряженность, во-вторых — мешает переговорам с Ираном. Если у Ирана появятся ядерные боеголовки,

то это будет означать, что переговоры безуспешны. Дипломатически можно сказать так: этот путь катастрофичен. Десять ядерных ракет здесь, десять там — никто не может объяснить, зачем это надо.

Министр иностранных дел России Сергей Иванов в Мюнхене на конференции по безопасности сказал мне, что размещение вооружений в Европе не то чтобы мешает стратегическому балансу, просто это недружественный акт. Это с одной стороны. С другой — для польского правительства речь идет не о собственно военных вопросах, а о том, чтобы Польша стала чем-то вроде 51-го штата Америки. На мой взгляд, это неправильный путь. Мне довелось беседовать с высокопоставленными политиками США еще эпохи Буша-старшего, и они говорят, что они бы этого делать не стали — слишком рано, а если уж очень хочется принять подобное решение, то согласованно с Россией.

Я полагаю, что сейчас надо подождать несколько месяцев, пока администрация Обамы начнет работу, и тогда попробовать решать деэскалацию вопроса. С российской стороны, по-моему, политика тоже неправильная, несогласованная, особенно после мюнхенского выступления Путина, когда появились предложения: давайте все сделаем вместе, используя радарную станцию в Азербайджане. Конечно, в Европе размещаются небольшие базы, они не оказывают влияния на стратегический баланс. Это нехороший символ, но не более того.

И. ЕГОРОВА, IV курс, экономический факультет: — *Господин Штюрмер, скажите, пожалуйста, какие отрасли экономики в России, на Ваш взгляд, наиболее перспективны в ближайшие десятилетия и какая отрасль наиболее приемлема для инвестирования сегодня?*

— Программы правительства Путина, которые я знаю, идут в совершенно правильном направлении: к созданию общества, основанного на научных знаниях и высоких технологиях — нанотехнологиях, биотехнологиях и т. д. Невозможность развития вширь таких технологий в Советском Союзе привела к краху — не в военной сфере, а в гражданской. Сейчас такое развитие возможно, и именно в этих областях

инвестиции обещают лучшую рентабельность.

Если использовать мой опыт знакомства с вашей страной, то я бы сказал, что приоритетными должны стать авиация, железные и шоссейные дороги — начинать надо с этого, потому что без инфраструктуры ничего существовать не может. Ведь как функционирует экономика Германии, Нидерландов и других европейских стран? Основу составляет хорошее образование, которое можно и далее совершенствовать, а на втором месте стоит развитая инфраструктура.

О. ДЕНЕГА, V курс, факультет культуры: — *Уважаемый господин Штюрмер, во всем мире бурно обсуждается недавний конфликт в Грузии. Было замечено, что, например, в США сильно фальсифицировались факты, связанные с этим событием. Как в Германии освещалась война и какое отношение сейчас у немцев к России? Изменилось ли оно после этих военных действий или нет?*

— Это двухуровневый вопрос — во-первых, информации, а во-вторых, политики и отношения. Что касается информации, то ни российской, ни американской реакции сначала не было. Была практически монополия немецких средств массовой информации, причем немецкая пресса была очень осторожна: говорилось о неспровоцированном нападении на безвинную Грузию. Политики Германии, прежде всего, ориентировались на американскую линию, но потом Саркози, Меркель, Берлускони высказали свое мнение о том, что ситуация намного сложнее, чем кажется на первый взгляд. В любом случае необходимо выполнить план, который был принят.

Я лично нахожу странным отношение ЕС и вообще Запада к этой проблеме. С одной стороны, предлагается многомиллиардный пакет для финансирования восстановления Грузии, с другой — не говорится ни о Южной Осетии, ни об Абхазии, как будто они уже признаны самостоятельными государствами. Дипломатически это противоречие непонятно. Если вы еще рассматриваете Грузию как единое государство, то помощь должна оказываться всем ее частям, и не по каналам коррупции и мафии, а официально и гласно. Тогда это было бы разумно. У нас есть подобный опыт,

связанный с африканскими странами, с другими регионами. Но политики, демократические они или нет, как известно, никогда не заблуждаются.

Видимо, надо еще раз хорошенько подумать, так ли должно все делаться, как это происходит сейчас. Во всяком случае, включение Грузии в НАТО отодвинуто куда-то в далекое будущее, об этом сейчас можно не говорить. В общем, можно сказать, что вокруг всех этих событий настоящий хаос.

А. ЗЫКОВА, II курс, факультет искусств: — *Мой вопрос не связан с политикой. Уважаемый господин Штюрмер, Вы обладаете богатым опытом преподавания в различных европейских университетах. Хотелось бы знать, какое мнение у Вас сложилось о нашем вузе?*

— Это замечательный университет: я вижу больше прекрасных женских лиц, чем мужских. Женщины, верю, скоро активно станут решать проблемы своей страны — России. И это хорошо.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Я с большим интересом прослушал Ваше выступление, господин Штюрмер. Вы сказали, что важный вопрос — будет ли Россия дальше «одиноким волком» или у нее будут союзники. В последнее время у нас приобрело огромную популярность изречение российского императора Александра III о том, что у России только два союзника — армия и флот. Я думаю, что это реакция на отношение Запада к России в последние 15–20 лет, когда наша страна односторонне разоружалась, и потом слабость России стала использоваться для ее унижения. Думаю, эта реакция вполне понятна.*

Позиция России такова: кто захочет с нами дружить, тот будет нашим другом, кто захочет нам противодействовать — станет нашим врагом. Позиция достаточно простая. И Россия очень четко определяет свои приоритеты. В связи с этим мне кажется, что у Европейского Союза позиция куда как более сложная. У России сегодня нет выбора, ей дальше некуда отступить. А у ЕС выбор очень сложный: принимать ли политическую волю Америки и являться инструментом Америки в действиях против России или проводить самостоятельную политику, выгодную ЕС. Как, по-ваше-

му, будет вести себя в этом смысле ЕС в ближайшее время?

— Считаю, что слова императора о двух союзниках — самоисполняющееся пророчество. А это очень опасное дело. Чтобы иметь друзей, надо их искать. Братьев и сестер нам небо посылает, а за друзей надо бороться. После Второй мировой войны Германию воспринимали как Enemy Nation — нацию врагов. И в последние 60 лет, с тех пор как существует «новая» Германия, нашей задачей было вызвать доверие, чтобы успокоить другие страны после полной моральной, политической и стратегической катастрофы. Именно после краха легче показать свою полную слабость, и не надо этого бояться. Дальше можно завоевать друзей.

В России иная ситуация. Ваша страна одновременно и слабая, и сильная. По моему мнению, России требуется профессиональный беспристрастный анализ — без ненависти и без особой любви. России действительно нужны тесные кооперативные отношения с Западом. Вопрос скорее о том, существует ли Запад как таковой, можно ли отделить Евросоюз от Америки. Если взять экономические отношения, то сейчас мы все оказались завязаны в финансовом кризисе больше, чем предполагали наши политики.

Например, автомобильная промышленность в основном сосредоточена в США — их гиганты автопрома («Дженерал Моторс», «Форд») либо изготавливают машины непосредственно в самой Америке, либо строят заводы по всему миру. Точно так же во многих других сферах, в частности в информационных технологиях. Мы с Америкой почти «сиамские близнецы». На стратегическом уровне понятно, что Польша, Балканы, страны Балтии — проамериканцы в большей степени, чем Германия и Франция, но без них невозможен Европейский Союз.

Я считаю, что дальше расширять Североатлантический блок не следует. Во-первых, это физически сложно, во-вторых, это очень дорогостоящая игра с точки зрения политики. Европу это сделало бы очень ненадежным партнером. Во времена холодной войны между правительствами СССР и США было негласное соглашение. Потом пришел В. Брандт, с грандиозным

планом социал-демократов, которые провозгласили целями разоружение, социалистические идеалы, и тогда Далесс сказал: «Мы с Россией разного мнения по поводу множества вопросов, но мы едины в одном. Ни мы, ни русские не хотим, чтобы Германия стала нейтральной, решала самостоятельно вопросы Европы». Величина Германии такова, что она слишком мала для гегемонии и слишком велика для равновесия.

Это надо иметь в виду и сейчас. Нам очень нравится, когда вокруг нас друзья, хотя иногда это даже действует на нервы: 27 различных стран, которые должны плыть в одной лодке. Я не знаю, в каком направлении пойдет развитие в будущем. Может быть, именно сейчас в Америке принимается судьбоносное решение. Надо подождать некоторое время, прежде чем станет ясно, что собой представляет Обама. Вы увидите: Обама американец, и он делает американскую политику. Но победа Маккейна обеспокоила бы меня еще больше. Америка настолько тесно связана с нами не только эмоционально, но и экономически, финансово, технологически. Я полагаю, что ЕС не будет принимать однозначного решения. ЕС един в одном: с Россией все должно быть так же хорошо, как и с Америкой.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Это примерно как найти ответ на вопрос: что лучше — быть богатым или красивым. Но я сформулирую проще: как Вы считаете, господин Штюрмер, США в настоящее время способны укрепить ЕС или стремятся к его дестабилизации?*

— Это старый вопрос; не знаю, насколько он сейчас актуален. Американцы находятся в сложной ситуации, сегодня они заняты прежде всего своими проблемами — финансовым кризисом. Это ведь и социальный кризис, в сущности это угроза домовладениям, то есть фундаментальный вопрос для многих миллионов американцев. Во внешней политике — на первом месте Ирак, потом Иран. На вопрос «Как быть с Европой?» американцы отвечают двойственно. С одной стороны, говорят, давайте организовывайтесь получше, с другой — не устраивайте разговоры против нас. У них, как и у России, нет единой политики. В России традиционно, еще со времен Горчакова, внешняя

политика была разнонаправленной. И в Германии так же. Хотя мы иногда и высказываем сентенции, политику нельзя сформулировать с их помощью. Мир слишком сложен, ему свойственно многообразие — и политике в том числе. В Америке нет четкой политики в отношении Европы: мы одновременно конкуренты и партнеры друг для друга. Европейцы для американцев такие же сложные партнеры, как и наоборот. Повторю, и европейцы друг для друга сложные партнеры — одни намного более проамериканцы, чем другие.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Наши студенты задают интересные вопросы. Вот один из них. Позвольте я прочитаю записку: «В декабре 2007 года Вы, господин Штюрмер, поместили в газете Die Welt обширную статью о России, которую назвали “Страна без друзей”». А есть ли друзья у Германии?*

— Есть ли друзья у Германии? В официальной риторике Гельмут Коль говорил: «Мы окружены друзьями. Венком друзей». Тогда на Балканах уже разразилась война, были трения, сложности. В сущности, что такое друзья? Это те, кто восхищается, или те, кто критикует? Например, у Германии и Франции стабильные отношения, но они и сложные, конкурентные. Германия выступает против ядерной энергии, в том числе и в мирных целях. Франция, напротив, пользуется больше «мирным атомом» и намного меньше — нефтью и газом. Франция положительно относится к национализации крупных монополий, Германия — отрицательно. Но при этом отношения Германии с Францией построены на здоровой основе.

У нас хорошие партнерские отношения с Италией, с Великобританией. Но, как я говорил, за друзей надо бороться, надо их искать, что получается не всегда. Один из последних примеров: наш министр финансов требует от Швейцарии отменить тайну банковских вкладов — в Германии эта практика давно отсутствует. Я против такой тайны, но я также радикальный критик диктата и угроз в отношениях с малыми странами, например с Люксембургом. Тут наше государство стремится проводить державную политику, которую нельзя использовать

сегодня. Друзья существуют до тех пор, пока сам считаешь их друзьями и заботаешься о них.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Несколько вопросов от студентов посвящены необходимости создания положительного образа немецкой истории. Но для меня наиболее интересно следующее: в России существует взгляд профессиональных историков на то, что история должна состоять из объективно установленных фактов. И крайне нежелательно манипулировать историей в угоду каким-то новым реалиям и политической конъюнктуре. Вы же в целом ряде своих работ призываете работать с историей, внося в нее определенные исходные взгляды, детерминирующие платформу, и т. д. Кто Вы в этом смысле — историк или общественный деятель? Ваше отношение к истории больше связано с наукой или потребностями общества?*

— История — это то, что пишут историки. Я, конечно, немного преувеличиваю, но все-таки история — не просто набор фактов. Ведь что такое «объективные факты»? Простой пример. Когда началась Вторая мировая война? 1 сентября 1939 или 22 июня 1941 года? Две четкие даты, о которых можно спорить до бесконечности — и не найти окончательного ответа. Да, есть действительно объективные данные. Например, населенность: в такой-то момент в таком-то месте живет столько-то людей, затем они переезжают туда-то, население меняется. Извержение вулкана в Исландии: 1794 год, столько-то жертв. Дожливый сезон повлек такие-то последствия для страны. Французская революция: столько-то людей погибло. И так далее. Или повышение цен на продукты питания, зафиксированное в такой-то момент. Это объективные факты — но как их соединить, разобратся в последствиях, не говоря о вине тех или иных людей? Кто виноват во Французской революции, и вообще это было хорошо, плохо или жутко? Это был Божий промысел? Или катастрофа? Кто-то сразу высказывает свое мнение, кто-то, как китайцы, говорит, что рано судить и даже просто говорить об этом.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Студенты юридического факультета интересуются: появилась информация о том, что немецкие и польские историки готовят совместный учебник по ис-*

тории XX века. Как Вы думаете, такой учебник могут написать вместе немецкие и польские историки?

— Почему бы и нет? Многое пережито совместно, мы имеем различные перспективы видения. Но это может многому научить! Меньше всего мы контролируем, когда, кем и где рождаемся. Что же касается всего остального... Мы можем совершенно иначе взглянуть на отношения между Россией и Германией, обменяться этим видением, несколько изменить, сделать более относительным национальный угол зрения. Например, конец Первой мировой войны — это момент, когда создается новый хаотичный мир. В Польше мощная динамика, и одновременно в отношениях между Германией и Польшей с самого начала, уже в 1920—1930-е годы, — жесткость, горечь, что приводит к кошмарным последствиям. Понять и описать это могут умные, интеллигентные люди, которые встречаются, обмениваются своими работами. Почему бы не предложить друг другу: «А вот это я вижу так, попробуем сопоставить. И донести до наших учеников — той и другой стороне». Подобную совместную работу можно было бы провести и с российскими историками. Это могло бы быть поучительно, очень обогатить нас. Нельзя же все время говорить: «Этот виноват, тот виноват. То — правильно, это — неправильно». Такие суждения в истории должны быть очень осторожными.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Студентка III курса экономического факультета А. Толоконникова, интересуется (читает записку): «Как Вы расцениваете перспективы реализации российско-германского проекта “Северный поток”?»*

— Хорошая сторона этого проекта — больше газа попадет в Европу. Плохая — возникают разногласия по поводу даже не самого газа, а пути его следования, проложения трубопровода по дну Балтийского моря. Пока другие трубопроводы функционируют нормально, не вызывая политических и экономических проблем. «Северный поток» — проект, который был инициирован и поддерживается ЕС, в Варшаве был воспринят как враждебный акт.

Полагаю, что проблема сгладится — просто потому, что нам нужно боль-

ше газа, а технология сжиженного газа еще не настолько хорошо освоена, как хотелось бы. Россия очень поздно взялась за эту технологию, и, видимо, экспортировать полностью сжиженный газ возможно будет только тогда, когда будет подключен Штокман, а это потребует технологических и финансовых затрат. Это колоссальные риски. А до тех пор нам нужна такая линия поставок, которая не связана с экологическими проблемами. Балтийское море очень мелкое. Со времен Второй мировой войны на дне осталось много химического оружия, разрабатанного и изготовленного и вермахтом, и российской стороной. И никто толком не знает, где именно! Что может произойти, если при бурении, при работах на морском дне каким-то образом будут задевать эти емкости? Химическое оружие — это огромный риск. Видимо, все это лучше оставить природе, чтобы она сама разобралась с этими процессами, и не дай бог нарушить их внезапными действиями человека. В связи с этим у меня очень смешанные чувства. Политически презентация этого трубопровода была проведена блестяще. Технических же проблем много, да и финансовых затрат оказывается намного больше, чем виделось изначально. Думаю, в целом этот проект можно оценить скорее положительно; насколько положительно — время покажет.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Уважаемый господин Штюмер! Получали Вы когда-либо редакционные задания, которые противоречили бы Вашим убеждениям? Как Вы в таких случаях поступали?*

— Никто никогда не поручал мне ничего подобного. Я сам член редакции, и великий Шпрингер и маленький Михаэль Штюмер — деловые партнеры. Если я не хочу что-то делать, то я этого делать не буду. Несколько раз меня просили написать о конкретных лицах, но это можно делать только в том случае, если знаешь человека. Иногда оказывается, что человека знаешь, но не с лучшей стороны. И тогда я отвечаю: «Я этого типа не люблю, пусть о нем пишет кто-нибудь другой. Хотя могу о нем кое-что рассказать». Не бывает и такого, чтобы мне велели написать, например, о России, что-нибудь плохое или, напротив, хорошее. Никому бы в голову не пришло

так со мной говорить, да я и стар для того, чтобы кто-то обращался ко мне с такими предложениями.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Вопрос К. Афоной, студентки III курса экономического факультета (читает записку): «Скажите, пожалуйста, кто из немецких политиков прошлого Вам наиболее симпатичен и интересен?»*

— Что касается деятелей прошедших времен, то особенно мне симпатичен Отто Бисмарк. Это был большой политик, блестящий стилист — ни до него, ни после не было немецкого политика, который писал бы так великолепно. Настоящее наслаждение читать его письма, указы, речи. Он был блестящим оратором. Политическая деятельность Бисмарка достойна восхищения, хотя иногда цели и действия его неприемлемы, особенно с позиции сегодняшнего дня, когда известны последствия этих действий.

Другой замечательный политик — Густав Штретземан, человек, который в период Веймарской республики имел смелость высказаться против наступающего национал-социализма. Блестящим политиком был Конрад Аденауэр. Будучи школьником, я находил его слишком старым, и позднее он меня мало впечатлял. Однако он был молодым и блистательным, ведя конкурентную борьбу с Вилли Брандтом. Чем старше я становился, тем больше восхищался Аденауэром. Это был буквально «отец Отечества».

О Гельмуте Коле пока рано говорить, его лучшие времена — это годы между падением Берлинской стены и началом 1990-х. До этого периода он был хорошим политиком, после него лучшее время было уже пройдено и было сложно понять, куда двигаться дальше. Трудно было продолжить то, что уже не совсем совпадало с его изначальной линией. Что касается расширения НАТО, то я с самого начала был против этого. Надо было искать какой-то другой порядок, соответствующий интересам Советского Союза, а затем России. Коль сначала разделял это мнение, но с 1994 года начал говорить, что Америке невозможно возражать. Тогда я отошел от сотрудничества с ним.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *У меня остались два вопроса на одну и ту же тему. Первый вопрос от И. Гордеева,*

студента IV курса факультета культуры (читает записки): «Согласно концепции культуры цивилизаций Ницше, европейская цивилизация очень стара, движется к расформированию. Что Вы думаете по этому поводу?» И второй вопрос: «Существует мнение, что в будущем в мире будет два центра силы — Америка и Китай. Какое место в этой модели мира будут занимать Россия и Германия?»

— Очень сложный вопрос. Что касается заката европейской цивилизации, то его не будет. Европа, включая Россию, имеет невероятную способность к самообновлению. После всех катастроф XX века, после двух мировых войн Европа возродилась и процветает. Проблема, которую я вижу, — демографическая. У меня четверо детей, но будут ли мои дети иметь такое же потомство? Сомневаюсь. Хорошо бы хоть от каждого по внуку дожидаться. То же самое можно сказать и о России. Колоссальная проблема — перемещение народов, рождаемость. Такова наша судьба. Поэтому надо иметь много сил, продолжать разрабатывать принятые программы. Будут ли они дальше работать — никто не может сказать. С этим очень многое связано, отнюдь не только материнский капитал на второго ребенка.

Повторяю, заката не будет. Наша инновационная энергия свидетельствует против этого. Но вот смещение экономических центров видится отчетливо. Не в Японию — это было возможно лет 40 назад, а в Китай, без всякого сомнения.

Что касается второго вопроса — Америки и Китая, то они, в сущности, не рассматривают друг друга как антагонисты — разве что в се-

верокорейском вопросе. Китай проводит очень умную, хитрую политику: с одной стороны, они не хотят, чтобы в Северной Корее было ядерное оружие, с другой — дают понять США, что вы, американцы, ничего не сумеете сделать на Востоке, если будете против нас. Пока столкновений нет. Америка и Китай дополняют друг друга. У китайцев дешевое производство, их товары экспортируются в Америку. Америка платит, Китай берет на себя колоссальные долги. Они прикованы друг к другу, как два скорпиона в одной банке. У Китая нет идей глобального миссионерства, и его политика будет определяться тем, насколько сильным будет ресурсный голод. Причем это касается всего — от нефти до меди.

Каково место Германии и России в будущей картине мира? Видимо, роль Германии как национального государства будет уменьшаться, а возрастет значение Европы как единой, общей структуры. Россия, по всей вероятности, превратится в постиндустриальную державу — она должна осилить этот путь, потому что, во-первых, запасы нефти будут уменьшаться, во-вторых, люди должны концентрировать свои силы, потому что этнических русских становится меньше, а растет доля мусульманского населения, и это будет продолжаться. Так что русским надо найти для себя некую моральную базу. Это не может быть исключительно христианская доктрина, поскольку Россия — многоконфессиональная страна, что предполагает определенные компромиссы и умение договариваться. Перед Россией стоят очень большие, сложные вопросы гражданского порядка, и разрешать их всегда лучше, имея друзей.

Вальтер КИП: — *Уважаемые дамы и господа, дорогие российские друзья! Я очень признателен вам за то, что мы имели возможность присутствовать на этой встрече. Благодаря усилиям нашего друга Михаила Шмакова удалось соединить в культурном диалоге два университета — германский и российский. Я ожидаю дальнейших плодотворных дискуссий. Это очень важно, потому что диалог нужен людям, потому что для нас в объединенной Европе Россия была, будет и должна быть нашей частью.*

Большое вам спасибо!

М. В. ШМАКОВ, председатель Федерации независимых профсоюзов России: — *Сегодня мы получили уникальную возможность выслушать известного политика господина Штюрмера, чье отношение к России, к нашей истории и будущему проникнуто добрыми чувствами и неподдельным интересом. В настоящее время подобные разговоры зачастую ведутся в менее благожелательном тоне, и поэтому я хотел бы продолжить мысль многоуважаемого господина Вальтера Кипа о том, что «мы обречены жить вместе».*

Европа шла вперед в течение века и укрепилась тогда, когда отношения между Россией и Германией стали союзническими. На протяжении веков контрполитика внутри Европы была направлена на то, чтобы отдалить друг от друга Россию и Германию, а еще «лучше» — вынудить их к какому-нибудь конфликту. Думаю, что наше будущее — в совместных действиях в сотрудничестве. И тогда и мир, и Европа пойдут вперед, а общая безопасность укрепится.

Уважаемый господин Штюрмер, большое спасибо за прекрасную лекцию, которую вы прочли.